

К 100-ЛЕТИЮ ФЕВРАЛЬСКОЙ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЙ В РОССИИ

ГЕГАМ ПЕТРОСЯН

Доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений ЕГУ

Размещено: 2 июня 2017 года, в пятницу

ВОПРОС ВОЙНЫ И МИРА НА АЛЕКСАНДРОПОЛЬСКОМ ЧРЕЗВЫЧАЙНОМ СОВЕЩАНИИ. НЕЗАВИСИМОСТЬ ЗАКАВКАЗЬЯ (апрель 1918 г.)

Ключевые слова: Брест-Литовский мирный договор, падение Батума, Закавказский сейм, Александропольское чрезвычайное совещание, падение Карса, Армянское национальное собрание Тифлиса, Россия

В предыдущей статье [1] мы представили ключевой на дипломатических переговорах в Трапезунде (март-апрель 1918 г.) вопрос территориальных уступок Турции.

24-го марта (6 апреля) в ответ на программу территориальных уступок, представленную Закавказской делегацией на мирной конференции, Турция выдвинула ультиматум [2] с требованием безоговорочного признания Брест-Литовского мирного договора и немедленного освобождения всех отходящих к Турции областей. Непринятие ультиматума грозило интенсификацией боевых действий и аннексией Закавказья.

В условиях чрезвычайно сложной и напряженной военно-политической обстановки находившийся в Трапезунде председатель делегации А. Чхенкели 28-го марта (10 апреля), так и не получив окончательного ответа Закавказского сейма и правительства, принял требования турецкого ультиматума, письменно сообщив, что готов приступить к новым переговорам для заключения мирного договора. В ответ турецкая сторона сообщила А. Чхенкели, что считает необходимым, чтобы в турецко-закавказских переговорах участвовали также ее союзники - Германия, Австро-Венгрия и Болгария, а в качестве условия безоговорочно потребовала провозглашения независимости Закавказья, т.е. выхода из зоны влияния России. [3]

Позиция Закавказского сейма и правительства в отношении турецкого ультиматума однако была иной. Вечером 31-го марта (13 апреля) на созванном в Тифлисе заседании Закавказского сейма было принято заявление о том, что условия Брест-Литовского мирного договора неприемлемы, поэтому иного решения, чем война с Турцией не может быть. В этой связи 1-го (14) апреля по распоряжению правительства Закавказская делегация была немедленно отозвана в Тифлис. Фактически, Закавказский сейм прервал дипломатические переговоры и объявил войну Турции в момент, когда турки и без того продолжали свое вторжение в пределы Закавказья с целью претворить условия Брест-Литовского мирного договора силой оружия. «В то же время на наших границах продолжалось кровопролитие, - пишет А. Хачатрян, - и османская армия [4] продолжала свое продвижение». [5] В тот же день Закавказскому сейму и правительству стало известно, что Батум был сдан турецким войскам.

Падение Батума имело роковое значение для дальнейшего развития военно-политической ситуации в Закавказье: для грузин война стала бессмысленной. Началось беспорядочное отступление грузинских военных частей. По свидетельству А. Хатисяна «В правящей грузинской партии появились серьезные сомнения относительно продолжения войны. Они чувствовали, что после падения Батума их народ уже не хочет воевать. С другой стороны,

они нашли способ обезопасить себя от турок. Этим средством стало соглашение с Германией. Это обстоятельство оказало роковое влияние на ход событий».

С точки же зрения организации обороны Закавказья и взаимоотношений между народами особенно неблагоприятной была роль кавказских татар, считавших победу и вторжение турок осуществлением своих национально-политических устремлений. Еще на заседании Закавказского сейма 31-го марта (13 апреля) татары заявили, чтобы никто не ожидал от них помощи и поддержки в этой войне, что они не будут воевать со своими соплеменниками-турками. [6] Фактически, основная тяжесть турецко-закавказской войны ложилась на армянские силы.

Таким образом объявленная сеймом война превратилась в армяно-турецкую войну. Армяне оказались лицом к лицу с турками, отрезанные от внешнего мира и окруженные внутренними и внешними врагами, лишённые поддержки обоих соседей, имевших разную политическую ориентацию и преследовавших свои узко-национальные интересы.

В этих напряженных условиях нужно было немедленно обсудить дальнейшие шаги, связанные с условиями Брест-Литовского договора, вопрос войны и мира. Необходимо было также проверить боеспособность армянских воинских подразделений и состояние организации самообороны. С этой целью по инициативе дашнакской фракции Закавказского сейма и Восточного бюро Армянской Революционной Федерации 6-8-го (19-21) апреля в Александрополе было созвано чрезвычайное совещание. [7] На этом многочленном собрании участвовали все армянские члены Закавказского сейма и правительства, члены Армянского национального совета, представители партий, губернские комиссары от Еревана и Карса, и несколько национальных деятелей из Александрополя. Председательствовал на совещании председатель Армянского национального совета А. Агаронян. [8]

Чрезвычайное совещание заслушало доклады членов Закавказской миротворческой делегации А. Хатисяна и О. Каджазнуни о результатах дипломатических переговоров на Трапезундской конференции. [9] Затем на обсуждение было поставлено требование турок о безоговорочном принятии Брест-Литовского мирного договора. По этому вопросу прозвучало два взаимоисключающих мнения. Часть выступающих находила, что Брест-Литовский мирный договор следует принять, поскольку ему нет альтернативы, другие же склонялись к необходимости любой ценой продолжать войну и ни в коем случае не принимать Брест-Литовский мирный договор. Сторонниками первого мнения были О. Каджазнуни, А. Хатисян, М. Пападжанян (Пападжанов). О. Каджазнуни письменно представил подробное обоснование (на русском языке) того, почему принятие Брест-Литовского мирного договора является наименьшим из зол для армян и почему Турция никогда от него не откажется. [10] Поскольку, по его мнению, Турция никогда добровольно не откажется от выгодного ей Брест-Литовского мирного договора, «следовательно непризнание договора означает объявление ей войны или, скорее, продолжение войны, фактически продолжаемой с нашей стороны. Мы не в силах и не можем воевать с турками». [11] Защищая позицию О. Каджазнуни, М. Пападжанян в своем выступлении уверял, что отныне в этой войне армяне не должны связывать надежд с грузинами, что последние не будут воевать. Затем, обратившись к неутешительному состоянию армянского войска и фронта, он призвал принять Брест-Литовский мирный договор: «Если бы я был уверен, что Карс продержится в течение 2-х месяцев, я бы говорил иначе. Если не можем удержать, нужно уступить по хорошей цене». [12]

7-го (20) апреля, на третьем заседании чрезвычайного совещания было зачитано полученное из Тифлиса письменное мнение не прибывшего в Александрополь Х. Карчикяна об обсуждаемом вопросе, [13] позиция которого кардинально отличалась от аргументов О. Каджазнуни, А. Хатисяна и М. Пападжаняна практически по всем пунктам.

Х. Карчикян подчеркивает: «Мы совершим самую страшную и роковую историческую ошибку, если примем Брестский договор и тем самым прекратим войну», [14] так как это не обезопасит Закавказье от турецкого вторжения и станет причиной истребления армянского и грузинского народов. Также Х. Карчикян не принимал, что мирный договор создаст возможность выиграть время и усилить армию, поскольку был уверен, что после сдачи Карса народ и армия будут настолько деморализованы, что «под ружьем не останется ни одного солдата». [15] Мнение Х. Карчикяна отличалось также и по вопросу военного союза с грузинами. Он советовал отбросить пессимизм относительно грузинских сил и видел в них соратников. Как показал дальнейший ход событий, если Х. Карчикян и не ошибся в вопросе военного продвижения турок, то в отношении того, что грузины останутся союзниками армян он оказался неправ.

Х. Карчикян подчеркивал, что Россия не смирится с потерей Закавказья, но даже если она не вознамерится вернуться на Кавказ, «и окончательно смирится с мыслью об отделении Закавказья, с этим не смирится армянство, которое всегда будет чувствовать нависший над его головой меч местных тюрок и Турции и, обращая взоры на север, будет искать повод, чтобы вернуть Россию и освободить их.

... Если же Россия действительно попытается войти, естественно, христианские народы Кавказа не выйдут и не будут сопротивляться ей с оружием». [16]

Обобщая свои соображения, Х. Карчикян представил три вероятных сценария развития событий, возможных после принятия Брест-Литовского мирного договора:

1. либо не придавая договору никакого значения, Турция немедленно двинется вперед и займет Закавказье;
2. либо остановится в установленных пределах и заставит Закавказье провозгласить свою независимость, а затем фактически включит его в свой состав; или
3. Турция завоюет регион, если армяне откажутся от провозглашения независимости и останутся в составе России.

По мнению Х. Карчикяна, независимость Закавказья все еще приемлема для кавказских татар, но третий сценарий станет неизбежным, как только встанет вопрос о том, чтобы остаться в составе России. Тогда они примут все меры, чтобы пригласить сюда Турцию и соединиться с родственным государством. [17]

В заключение своего мнения Х. Карчикян приходит к следующему выводу: «Я нахожу, что для нас прекращение войны равнозначно самоубийству. А наши бесконечные колебания и агитация разнообразных общественных группировок и органов в пользу Брестского мирного договора в огромной мере ослабляют силу нашего сопротивления, внушают неуверенность тем, кто воюет, и приводят к дезорганизации тыла. Необходимо решительно определить и показать, что война будет продолжена и что это не безнадежная война, которая ведет нас к бесспорному поражению». [18]

Несмотря на серьезные разногласия по обсуждаемому вопросу, на последнем – пятом заседании Александропольского чрезвычайного совещания, состоявшемся 8 (21) апреля, подавляющее большинство участников решило отвергнуть Брест-Литовский мирный договор, продолжать войну и укрепить армянские вооруженные силы и самооборону. Однако принятое совещанием решение лишилось смысла, так как в тот же день из Тифлиса телеграфировали о том, что Грузинский национальный совет решил провозгласить независимость, [19] а татарские министры Закавказского правительства предъявили ультиматум, требуя признать Брест-Литовский мирный договор и заключить

мирный договор с Турцией, иначе они вместе с другими татарами выйдут из состава Сейма и правительства и объявят о независимости татар. [20]

Эти события заставили участников совещания поспешить в Тифлис, чтобы там обсудить и решить вопросы независимости и власти. Они вернулись в Тифлис, «где для армян возникла чрезвычайно щекотливая ситуация, - пишет С. Врацян, - или они должны были согласиться с турками и грузинами и отказаться не только от турецкой (Западной – Г. П.) Армении, но и от всей Карской губернии даже без получения гарантии дальнейшей безопасности и/или отвергнуть турецкий ультиматум, и тогда грузины и турки заключат сепаратный мирный договор, Закавказский союз исчезнет и армянский народ останется в одиночестве, отрезанным от всего мира, окруженным врагами...». [21]

Как указывалось выше, после падения Батума в регионе создалась чрезвычайно сложная и напряженная военно-политическая ситуация. В этих условиях Закавказский сейм решил возобновить прерванные дипломатические переговоры, чтобы заключить мирный договор с Турцией, а для этого прежде всего было необходимо провозгласить независимость Закавказья и его отделение от России, что являлось безоговорочным требованием Турции. Ультимативным требованием провозглашения независимости Турция стремилась окончательно, т.е. фактически и юридически отрезать Закавказье от России и, включив этот слабый и беспомощный регион в зону своего влияния, обезопасить себя от России, которая могла в недалеком будущем снова стать для нее реальной угрозой. [22]

В отношении турецкой программы отрыва Закавказья от России и провозглашения независимости среди грузин сформировалось два разных политических подхода: пророссийский и прогермано-турецкий. Сторонники первого – Н. Жордания, Е. Гегечкори и др., желали продолжать войну и были против окончательного отделения Закавказья от России. Сторонники второго, победившего течения – А. Чхенкели, Рамишвили и др., считали, что Россия представляет большую угрозу независимости Грузии, чем Турция. [23]

Татары в Закавказском сейме уже не скрывали, что они всецело на турецкой стороне. Защищая и развивая позицию турок, они требовали немедленного провозглашения независимости Закавказья и прекращения войны. Они заявили, что «религиозное чувство мусульманской демократии не позволяет ей принимать активное участие в ведущейся против Турции войне». [24]

Для татар независимость Закавказья означала отделение региона от России. «Это дело, - пишет Э. А. Хондкарян, - они (татары – Г. П.), эти дальновидные и в высшей степени осторожные политики, хотели во что бы то ни стало организовать с участием грузин и армян, после чего ход событий был для них ясен – Турция войдет в Закавказье». [25]

Грузинские руководители Сейма выдвинули программу независимости Закавказья будучи уверенными в том, что она прежде всего облегчит достижение мира с Турцией и обеспечит протекцию Германии в тылу, с которой они давно и тайно договаривались; и во-вторых, покончит с российской политической ориентацией у армян и турецкой – у татар, и объединит три титульные нации Закавказья пустой идеей собственной закавказской родины.

Далеко идущие планы татар были, несомненно, неприемлемы для армян, с другой стороны они не разделяли и «наивные» ожидания грузинских меньшевиков, поскольку им было хорошо известно, что целью татар является не независимая родина, да и то совместная с армянами и грузинами, а верховенство Турции. Кроме того, руководствуясь инстинктом самосохранения, армянский народ не желал отделяться от России.

Армянским членам Сейма было совершенно ясно, какими тяжелыми последствиями для армянского народа обернется независимость Закавказья, но и противостоять грузинам и татарам они не могли, поскольку оказались бы в строгой изоляции. А «АРФ Дашнакцутюн, - пишет А. Хатисян, не могла взвалить на себя всю ответственность войны с турками, а так получилось бы, что она действует против грузин». [26] Вот основные причины того, почему дашнакская фракция Сейма была вынуждена согласиться с провозглашением независимости. Неслучайно, что ни фракция, ни Армянский национальный (центральный) совет Тифлиса не приветствовали независимость и отделение Закавказья от России.

В этой связи примечательна обобщенная оценка О. Каджазуни: «...хозяевами положения, даже хозяевами своей судьбы были не мы... Не с легким сердцем мы это сделали. Но не сделать не могли. Если бы мы сказали обратное, Закавказская Федеративная Республика сразу же развалилась бы, грузины и татары немедленно заключили бы с турками мир и оставили бы нас одних, лицом к лицу с армией Вехиба-паши – одних, потому что Россия (ни большевистская, ни антибольшевистская) не могла тотчас прийти на помощь, даже если бы захотела. Не только одни, но и под огромной угрозой с тыла, так как было ясно, что вместе с турками по нам ударят также азербайджанцы (кто знает, может и грузины – чтобы полностью занять Ахалкалак, Лори и Памбак).

Мы более всех нуждались в Закавказской Федерации, не хотели, чтобы она развалилась, а если она все же развалится – чтобы она развалилась как можно позднее. Вот почему мы были вынуждены следовать шагам союзных нам соседей». [27]

Некоторое время спустя в Закавказском сейме победу одержало грузинское крыло, ориентированное на германо-турецкое направление политики. 9-го (22) апреля [28] Сейм торжественно объявил, что Закавказье отделяется от России и является отдельным государством – Закавказской Демократической Федеративной Республикой [29] (просуществовавшей всего один месяц и четыре дня и ликвидированной 26-го мая).

Как указано выше, на заседании Сейма 22-го апреля фракция АРФ Дашнакцутюн, сдерживая недовольство, вынужденно высказалась в пользу независимости Закавказья. Выступая от имени фракции, член Сейма О. Каджазуни заявил: «Граждане, члены Сейма, дашнакская фракция, полностью и определенно осознавая взятую на себя в данный исторический момент ответственность, присоединяется к провозглашению суверенитета государства Закавказья». [30]

В Сейме прозвучали также заявления против независимости и отделения Закавказья от России. Один из выступающих, левый эсэр Л. Туманов (Туманян), заявил: «Следует откровенно сказать, что идея независимости Закавказья исходит от турецких империалистов... Это вопрос жизни и смерти для Закавказья. Почему вы не обращаетесь к помощи референдума? Уверены ли вы, что если бы этот вопрос решался посредством независимого голосования, народ не скажет – не желаю такой независимости, которая исходит из под дубинки турецкого султана... Независимость, декларированная в условиях, существующих в Закавказье в настоящий момент, означает переход к полному порабощению со стороны Турции. В настоящее время Закавказье экономически слишком слабо, для того чтобы иметь собственную ориентацию. Провозглашение независимости Закавказья не что иное, если не ориентация на Турцию, и этот факт вы ни от кого не сможете скрыть». [31]

Советское правительство выдвинуло ноту протеста против решения Закавказского сейма. Ввиду отсутствия дипломатического представителя Турции в Москве, а России – в Константинополе, 15-го мая 1918 г. Народный комиссариат внешних сношений РСФСР

вручил ноту протеста против отделения Закавказья от России послу Германии в Москве Мирбаху. [32]

Следует отметить, что все обсуждения, связанные с признанием или непризнанием Брест-Литовского договора оказались лишены смысла, как только стало известно, что 10-го (23) апреля новый председатель еще не утвержденного Сеймом правительства, [33] министр иностранных дел А. Чхенкели без ведома правительства и армянской стороны издал приказ об освобождении Карса в короткий срок и его немедленной сдаче Турции. [34]

Хотя, как указывалось выше, дипломатические переговоры в Трапезунде были прерваны 1-го (14) апреля, А. Чхенкели продолжал поддерживать отношения с турками уже из Тифлиса и возобновил мирные переговоры с главнокомандующим турецкой армии Вехибом-пашой. Вечером 10-го (23) апреля А. Чхенкели телеграфировал Вехибу-паше, что закавказское правительство принимает Брест-Литовский мирный договор и просит прекратить боевые действия и возобновить переговоры с Турцией для того, чтобы в кратчайшие сроки заключить мирный договор. [35] «Армянские круги, в частности, - пишет А. Хатисян, - были возмущены этими тайными и самовольными переговорами. Это возмущение перешло в ярость, когда Чхенкели своевольно распорядился сдать Карс туркам». [36] В очередной раз армянская сторона встала перед свершившимся фактом. 12-го (25) апреля турецкие войска почти без боя заняли важнейший стратегический пункт, единственный укрепленный оплот обороны на армянском фронте - Карс. В этой связи Г. Иразек пишет: «Падение Карса было самой ужасной из катастроф для Закавказья и в большей мере для армян. Поэтому возмущение, в частности, среди армян было всеобщим и неопишуемым, а возникшая безнадежность и паника – огромными у всего армянства, и, особенно, в рядах войск. В особенности вся церемония сдачи с ее подлым, заговорщическим характером, была слишком оскорбительной». [37]

Фактически Турция, в нарушение условий 4-ой статьи Брест-Литовского договора, силой оккупировала Батум, Ардаган и Карс. «Вместе с тем, - пишет З. Авалов, - было доказано, что пока еще не сформировавшееся, потрясенное Закавказье неспособно осуществлять даже самые простые военные операции». [38] Закавказский сейм и правительство окончательно убедились, что больше не в состоянии консолидировать все силы региона для продолжения войны.

После падения Батума в регионе, одно за другим, произошла череда судьбоносных политических событий. Закавказье отделилось от России и объявило о своей независимости, Карс был сдан туркам и в повестку дня снова вошел вопрос о возобновлении с ними мирных переговоров.

Таким образом, пафосно объявленная Закавказским сеймом война обернулась поражением, причиной которого, несомненно, были глубокие противоречия и конфликты между тремя титульными нациями региона, их разная политическая ориентация и пограничные национально-территориальные споры, недоверие и нетерпимость друг к другу, не позволившие создать в регионе единый фронт для отражения турецкой агрессии.

Исторические события, дипломатические переговорные процессы и военно-политические события показали также, что Сейм и правительство не смогли своевременно обеспечить гармонизацию интересов закавказских народов и не сумели сформировать единую внешнюю политику и гибкую дипломатию. Основная причина таилась в разной политической ориентации этих народов и в вытекающих из этого серьезных последствиях. Каждая нация действовала, исходя из своих интересов. Все перечисленное вкуне

окончательно убедило титульные нации Закавказья в невозможности дальнейшего существования в рамках единого государства.

Быстрая череда политических событий в Закавказье в последние дни вынудила созвать Армянское национальное собрание [39] в Тифлисе [40] лишь единожды – с 15-го (28) по 18-ое апреля (1 мая)* 1918 г. На многолюдных чрезвычайных заседаниях Армянского национального собрания участвовали все члены Армянского национального совета, представители армянских политических партий и западных армян. Председательствовал на заседаниях председатель Армянского национального совета А. Агаронян.

После объявления независимости (22 апреля) и падения Карса на чрезвычайных заседаниях обсуждался вопрос взаимоотношений дашнакской фракции Сейма с Армянским национальным советом. В своем вступительном слове на открытии собрания А. Агаронян выразил озабоченность: «Национальную политику осуществляет фракция армянских членов Сейма без какого-либо участия Армянского национального совета», однако «ответственными» за имевшие место неудачи широкая общественность «признает» членов Армянского национального совета. [41]

Этот вопрос принял еще более острый характер после падения Карса. В своем выступлении член Национального совета С. Мамиконян констатировал, что после формирования Закавказского сейма «Национальный законодательный орган, фактически, ограничил круг своих полномочий, принизил авторитет и урезал права Национального совета в принятии ключевых для армянского народа решений, поскольку интересы армянства в правительстве защищала парламентская фракция АРФ Дашнакцутюн, что привело к умалению роли Армянского национального совета. [42]

Армянское национальное собрание отметило, что 9-го (22) апреля парламентская фракция АРФ Дашнакцутюн фактически игнорировала позицию Армянского национального совета в отношении провозглашения независимости Закавказья. 12-го (25) апреля – уже после решения Сейма Армянский национальный совет заявил, что он против провозглашения независимости. Сейм нарушил право народа, согласно которому для принятия подобного решения необходимо провести референдум, и Совет счел необходимым во всеулышание заявить об этом в печати. Однако А. Агаронян посчитал, что публиковать это в печати нецелесообразно, и решил дождаться постановления Армянского национального собрания. В результате бурных обсуждений Армянское национальное собрание абсолютным большинством голосов постановило: «решение Национального совета опубликовать в печати и заявить о его (т.е. Национального Совета – Г. П.) несогласии с провозглашением независимости Закавказья считать недействительным». [43] На втором заседании 16-го (29) апреля А. Агаронян выразил свое мнение о независимости Закавказья: «Мне кажется, что вопрос независимости должен принести нам больше бед, чем признание Брест-Литовского договора. Именно поэтому Турция и выставила требование об объявлении независимости Закавказья и считает его предусловием для возобновления переговоров». [44]

На последнем, третьем заседании 18-го апреля (1 мая) Национальное собрание обсудило вопрос взаимоотношений между парламентской фракцией АРФ Дашнакцутюн и Армянским национальным советом. Обсуждение этого вопроса было настолько бурным и напряженным, что многие члены Армянского национального совета даже представили заявления об отставке. Дело в том, что Армянский национальный совет не только никак не участвовал в судьбоносных политических событиях последних дней существования Закавказского государства (объявление независимости, возобновление переговоров с Турцией, сдача Карса), но даже не был информирован об этом. В результате переговоров Национальное собрание постановило «Согласно решениям Национального съезда все вопросы политического характера предварительно рассматривать в Национальном

совете». После принятия решения все члены Национального совета забрали свои заявления об отставке, представленные Армянскому национальному собранию. [46]

Таким образом, обсуждения на чрезвычайных заседаниях Армянского национального собрания в Александрополе, а также на заседаниях в Тифлисе, созванных в условиях сложившейся в регионе катастрофической военно-политической обстановки, еще раз подтвердили, что в результате внутри- и межпартийных разногласий и узко партийных интересов армянские политические силы не поспедали за ситуацией, запоздало реагировали на быстрый ход событий, не смогли своевременно принять гибкую программу действий и разработать единую точку зрения, что негативно сказалось на политических и дипломатических переговорных процессах.

[1] См. Г. Петросян, Вопрос территориальных уступок Турции на Трапезундской мирной конференции (март-апрель 1918 г.). «Вопросы арменоведения, 2017, 1 (10) с. 29-41.

[2] НАА, ф. 200, сп. 1, д. 7, л. 152; См. также Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии, Тифлис, 1919, с. 155-156.

[3] Там же, с. 162.

[4] Хачатрян А., Турецко-восточноармянские дипломатические отношения, Ер., 2010, с. 77 (на арм. яз.).

[5] Хатисян А., Возникновение и развитие Республики Армения, Афины, 1930, с. 39 (на арм. яз.).

[6] НАА, Ф. 200, оп. 2, д. 19, л. 14.

[7] Всеармянские совещания (1912-1920). Сборник документов и материалов, Ер., 2004, с. 307-322 (на арм. яз.).

[8] Там же, с. 307.

[9] Там же, с. 310-311.

[10] НАА, Ф. 200, оп. 1, д. 21, л. 113-120.

[11] НАА, Ф. 200, оп. 1, д. 21, л. 115.

[12] Всеармянские совещания (1912-1920), с. 321.

[13] НАА, Ф. 222, сп. 1, д. 122, л. 1-4.

[14] Там же, л. 1.

[15] Там же, л. 3.

[16] Там же, л. 2.

[17] Там же, л. 4.

- [18] Там же.
- [19] Всеармянские совещания (1912-1920), с. 331.
- [20] Врацян С., Независимая и объединенная Армения (контур), Ер., 1920, с. 10 (на арм. яз.).
- [21] Там же.
- [22] Петросян Г., Трапезундская мирная конференция 1918 г. Обсуждение армянского вопроса. «Вопросы арменоведения», с. 46-67.
- [23] Каджазнуни О., АРФ Дашнакцутюн больше нечего делать, Вена, 1923, с. 27 (на арм. яз.).
- [24] Там же, с. 26-27.
- [25] Журнал «Вэм», Париж, ноябрь-декабрь 1933, с. 73.
- [26] А. Хатисян, указ. соч., с. 40.
- [27] О. Каджазнуни, указ. соч., с. 28.
- [28] В. Меликян, Проблема изменения политической ориентации Закавказского Сейма и провозглашение независимости региона, журнал «Вопросы арменистики», 2014, №3, с. 105-125 (на арм. яз.).
- [29] НАА, Ф. 200, оп. 2, д. 19, л. 28. См. также Документы и материалы по внешней политике Закавказья..., с. 215.
- [30] НАА, Ф. 200, оп. 2, д. 19, л. 11-12. См. также Документы и материалы по внешней политике Закавказья..., с. 207.
- [31] Е. Саргсян, Предательская сделка, Армения-Россия-Турция, Ер., 1994, с. 39 (на арм. яз.).

[32] 9-го апреля, после объявления Сейма о независимости Закавказья и решения возобновить дипломатические переговоры о заключении мира с Турцией председатель правительства Е. Гегечкори, посчитав это выражением недоверия, подал в отставку и ушел с политической арены. Вечером того же дня председатель Закавказского сейма А. Чхеидзе письменно попросил А. Чхенкели сформировать состав нового правительства. Фактически, с 9-го (22) по 13-ое (26) апреля А. Чхенкели руководил правительством без доверия Сейма. Сейм выразил доверие правительству А. Чхенкели, программой которого были независимость и мир, лишь 13-го апреля. Закавказский сейм и правительство состояли из почти равного числа представителей политических партий трех титульных наций (армян, грузин и кавказских татар).

От армян в состав правительства вошли А. Хатисян (министр финансов), О. Каджазнуни (министр государственного попечительства), А. Ерзнкян (министр труда) и А. Саакян (министр продовольственного обеспечения). Когда же 11-го (24) апреля армянские члены правительства узнали о распоряжении А. Чхенкели сдать Карс туркам, они заявили о невозможности оставаться в составе правительства. Созданный правительственный кризис был разрешен по взаимному компромиссу: армянские министры согласились вернуться к работе при условии, что генерал И. Одишелидзе будет освобожден от

должности, М. Арутюнян был назначен на пост заместителя министра иностранных дел без права отдавать какие-либо распоряжения без ведома А. Чхенкели (совмещавшего должности премьера и министра иностранных дел).

[33] НАА, ф. 200, оп. 1, д. 8, л. 109.

[34] Там же. См. также Документы и материалы по внешней политике Закавказья..., с. 224.

[35] А. Хатисян, указ. соч., с. 39.

[36] О. Иразек, Из недалекого прошлого. Исторические события и переживания 1917-1922 гг., Бейрут, 1956, с. 22 (на арм. яз.).

[37] З. Авалов, Независимость Грузии в международной политике 1918-1921 гг., воспоминания. Очерки. Paris, 1924, с. 33.

[38] См. подробнее в Г. Петросян, Из истории создания Армянского национального собрания и Армянского национального совета (февраль-октябрь 1917 г.), журнал «Вопросы арменистики», 2016, 2, с. 51-58 (на арм. яз.).

* Правительство Закавказья приняло решение о введении нового Григорианского календаря, считая среду после 12:00 ночи между 17 и 18-ым апреля 1-ым мая. События после 18-го апреля указываются по новому исчислению. (См. НАА, ф. 200, оп. 1, д. 8, л. 109).

[39] НАА, ф. 222, оп. 1, д. 124, л. 1-22.

[40] Там же, л. 2.

[41] Там же, л. 2-3.

[42] Там же, л. 4.

[43] Там же, л. 8.

[44] Там же.

[45] Там же, л. 21.

[46] Там же, л. 22.